

Т. Б. Ильинская

Старообрядческий брак в интерпретации Н. С. Лескова: соотношение художественного и публицистического образа

Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 15–04–00192)

Статья представляет собой мотивный анализ лесковской публицистики, посвященной проповеди старообрядческого инока Павла Прусского (Леднева) – автора трудов в защиту брака среди беспоповцев (в лесковских очерках эта форма семейного союза фигурирует как бессвященнословный брак, сводный брак, благословенный брак). Используя такие документы эпохи, как записки Павла Прусского и его сподвижника Прокофия, приходим к выводу о фактической точности коррелирующих лесковских образов – художественного и публицистического. Публицистическая аргументация в защиту беспоповщического брака готовила у Лескова художественное изображение брачных отношений у староверов в таких крупных произведениях, как рассказ «Однодум» и повесть «Запечатленный ангел». Лейтмотивами публицистики, посвященной брачному вопросу, становятся у Лескова мотивы женской и детской незащищенности, изгнания, а также свободы совести (старообрядческое зарубежье предстает как область относительной религиозной свободы).

Ключевые слова: Лесков, старообрядчество, беспоповцы-бракоборы, федосеевцы, Павел Прусский (Леднев), мемуаристика, религиозная эмиграция, публицистика.

Т. В. Pinskaya

Old Believer Marriage in the Interpretation of N. Leskov: Ratio of Artistic and Journalistic Image

The article is an analysis of motives of Leskov's journalism devoted to the sermons of Paul Prussky, old believer, monk, author of works in defense of marriage among bespopovtsy (in Leskov's essays that form of the family unit appears as *bessvyaschennoslovny marriage*, a consolidated marriage, blessed marriage). Using such documents as Paul's and his associate Prokofij's notes, we conclude about the paramount importance of the «foreign» factor for Leskov's interpretation of Paul's activities. Also we find factual accuracy correlating images of Leskov – artistic and journalistic. The journalistic argument in defense of old believers marriage prepared Leskov's artistic depiction of marital relations among old believers in such major works as the story «Odnodum» and the story «The Sealed Angel». The leitmotifs of journalism devoted to the issue of marriage, are Leskov's motives of female and child vulnerability, the motives of exile, as well as the motives of the freedom of conscience (Old Believers abroad appears as a region of relative religious freedom).

Keywords: Leskov, Paul Prussky (Lednev), Old Believers abroad, bespopovtsy-marriage opponents, religious emigration, memoirs, publicism.

Семейные отношения в старообрядческой среде были постоянной темой лесковского творчества – как публицистического, так и художественного. Художественно-публицистические очерки Н. С. Лескова, посвященные староверию, представляют собой важный материал для исследователя старообрядческой идеологии и культуры в силу следующих обстоятельств.

Во-первых, Лесков – известный знаток старообрядчества. Творчество Лескова, писателя особой восприимчивости к вопросам русского религиозного разномыслия, привлекало внимание не только читающей публики, но и специалистов-богословов. Репутация Лескова как художника, чья особой «специальностью» в литературе было изображение отечественных конфессий, обогащалась признанием писателя в современном ему

научном мире уже в качестве расколоведа. Ссылки на труды Лескова в духовных журналах свидетельствуют о том, что богословски образованные авторы видели в нем исследователя отечественных религиозных движений [2, с. 20; 7, с. 18].

Глубокие познания Лескова в конфессиональной области объяснимы тем, что его жизнь была разнообразно связана с русским староверием – с детства, проведенного на хуторе, со всех сторон окруженного старообрядческими селениями. За этим последовали годы странствий по России: «Три года провел в непрерывных разъездах <...> беспрестанно сталкиваясь с различными людьми, между которыми было очень много староверов» [3, с. 562]. К личным обширным знакомствам в старообрядческой среде прибавились профессиональные занятия староверием – занятия и чинов-

ника, и исследователя, изучившего основополагающие труды по старообрядчеству, записывавшего фольклор староверов. Следствием всего этого был авторитет Лескова в мире староверия, и к нему приходили на дом для обсуждения насущных вопросов «начетчики со своими стаканами» [3, с. 575].

Во-вторых, свидетельство Лескова важно благодаря его личному знакомству с пропагандистами новых взглядов на брачный вопрос в беспоповщицкой среде, в частности с окружением Павла Прусского (Леднева) – автора трудов, доказывающих законность беспоповщицкого брака (Инок Павел в середине 1850-х гг. изменил суровым федосеевским воззрениям на брак и стал допускать новоженое на исповедь и общее моление, чем вызвал негодование наставников Преображенского кладбища в Москве).

В-третьих, Лесков, с его чувством простонародного слова, запечатлел живые сценки, а главное – голоса старообрядчества. Художественные очерки Лескова, где важное место занимают рассказы старообрядцев, могут отчасти восприниматься как полевые экспедиционные записи.

Очерки Лескова «С людьми древлего благочестия» (1863) позволяют проследить процесс пропаганды воззрений Павла Прусского на брачный вопрос – пропаганды, которая далеко не случайно велась из-за границы. Как известно, инок Павел (Леднев) в 1852–1867 гг. был настоятелем Войновского монастыря (Восточная Пруссия, ныне Польша). В Польше им была основана типография, где печатались труды в защиту бессвященно-слового (совершаемого без священника) брака.

До деятельности Павла Прусского в проблеме беспоповщицкого брака было два слоя:

– Невенчанные браки беспоповцев были с юридической точки зрения недействительны и зачастую фигурировали как «блудный брак». «Страшную, разрушительную трагедию для старообрядцев несло непризнание правительством их браков, – пишет историк староверия. – Сколько вследствие сего было семейных драм, сколько имущественных ссор, наследственных дразг и т. п.» [4, с. 268].

– Среди самих беспоповцев-федосеевцев было сугубо отрицательное отношение к возможности брака в современности. Такое решение брачного вопроса и было отправной точкой для деятельности Павла Прусского.

Неблагополучие ситуации подтверждается неоднократно в документах эпохи. Так, в 1817 г. поморец Степан Артемьев доносил духовному министру кн. Голицыну о «безобразиях, какие происходят у федосеевцев вследствие отрицания брака» [1, с. 7].

Свидетельство Лескова помогает увидеть историческую ситуацию уже в живых голосах и картинах. В очерке «Инок Павел и его книги» (1864), предваряя свой рассказ о брачной «реформе» Павла, Лесков делает зарисовки, лейтмотивом которых становится неблагополучие в отношениях мужчины и женщины среди федосеевцев:

«Федосеевцы живут без браков, в простой любовной связи, потому что “рука освященная рассыпалась и антихрист уже царствует в мире нечувственно” <...> А как и любовные связи у них происходят под сурдинкой (любовница называется “посестрием”), связь с нею скрывается, и не только дети, являющиеся последствием этой связи, часто бросаются на произвол судьбы, но и само “посестрие”, насытив алчную чувственность своего побратима, весьма нередко безнаказанно оставляется им под самым ничтожным предлогом <...> Естественно, что федосеевские женщины, находящиеся целую жизнь в таком эмансипированном положении, в котором уж нет оснований жаловаться на стеснение, чинимое обязательными отношениями, целый век дрожмя дрожат за свой завтрашний день» [3, с. 545].

Подобные рассуждения «от автора» дополняются в очерке Лескова монологами самих старообрядцев. Так, рассказывая о поразившем его дорожном случае, когда в старообрядческой деревне он увидел брошенную на произвол судьбы роженицу, Лесков дает слово пожилой староверке:

– «А ты лучше вот что, – баба внушительно ударила меня рукою по колену, – ты старых людей послушай, что старые люди говорят. Они, миленький, больше нашего с тобой знают-то; жисть-то они ведут не нашу, что ни ступил, то согрешил. У нас теперь, я тебе скажу, есть духовник, старый, древний человек, отец Сигней. Далекотаким он живет, под сокрытием, знаешь, от псов-то от борзых, а только часто к нам наезжает <...> Он все это тебе может рассказать. Ты вот говоришь, что хворых баб бросаем. Мы хворых не бросаем, а это скверна-то, скверна-то рожденная, так ее омыть нечем. В старину, как имели мы священство, не бросали, а теперь священства не-

где взять, – на небе оно, священство-то наше: венчать некому и молитвою от скверны рожденной очистить некому. Вот почему, голубь сизый, и обегает скверны-то этой и не прикасаемся к бабе-то, пока она в скверне. На все, милый, свой закон есть: старики тоже не с ветру уставляли <...> Везде так, везде. Ты и не спорь. Сквозь так по селам. Точно, не хочу спорить, может быть, и есть такие, что не блюдутся, где наставник плох, или новшества тоже зашли, ну а у нас ни Боже мой! У нас насчет этого строго» [3, с. 567].

В приведенном фрагменте автор акцентирует религиозный барьер, который существовал в сознании старообрядца и не позволял ему оказать помощь женщине, мучающейся в родах. «Сердце-то мое, может, туда тоже рвется <...> да закон, закон у нас такой», – с помощью усиливающего повтора Лесков актуализирует внутренний конфликт между сочувствием и страхом перед осквернением – конфликт, присущий мировоззрению старообрядцев-федосеевцев.

Эти и подобные им подробно выписанные сцены брачного неблагополучия в федосеевской среде готовят почву, чтобы показать роль Павла Прусского в оздоровлении ситуации: «А Павел-то хорошо, во сто раз лучше всех нас знает эти нравы» [3, с. 580], – утверждает писатель, подчеркивая значение биографических обстоятельств для формирования идей Павла, который, еще будучи чувствительным ребенком, наглядился на слезы матери и страдания других женщин в беспоповской среде.

Какие акценты расставляет Лесков, воссоздавая попытки Павла Прусского распространить свое гуманное учение о браке?

Прежде всего, Лесков постоянно подчеркивает роль старообрядческого зарубежья, которое дает возможность для печатания и распространения книг инока Павла. Старообрядческая заграница, по Лескову, – это место относительной религиозной свободы. Если в России исповедание староверия вменяется в религиозное преступление, то «в Лифляндии со стороны гражданского начальства не было заявлено особенно ревностного содействия духовенству к искоренению раскола» [3, с. 396]. Отдаленность от российских губерний и наличие иных религиозных традиций, по Лескову, становится благом для осуществления свободы совести.

Во-вторых, старообрядческая заграница у Лескова – это место пристанища для изгнанников:

«Гонимые своими православными соплеменниками, и эти раскольники скорее обращались к немцам, более полагаясь на их лютеранский индифферентизм, чем на веротерпимость русского православия» [3, с. 409]. Таким образом, заграничные старообрядцы, по Лескову, – это изгнанники, что придает им контуры библейского гонимого народа.

Ввиду такого двойного видения старообрядческого зарубежья деятельность Павла Прусского также имеет двойную подсветку.

С одной стороны, его книги, разъясняющие новый взгляд на брак, – это книги, в России запрещенные, незаконно привезенные из-за границы. Так, Лесков пишет, что псковский старообрядец Хмелинский ему «подарил два томика сочинений Павла»: «Эти две книжки, напечатанные в Пруссии и привезенные контрабандою в Россию, были для меня дорогим приобретением. Они дали мне возможность близко познакомиться с замечательной личностью Павла и духом его учения» [3, с. 391]. Так, Лесков обозначает «закордонный» характер бытовавших в России книг инока Павла. Слово «потаенная» применительно к литературе в России с давних пор соотносится с понятиями «свободная», «не стесненная официальными запретами».

С другой стороны, жизнь Павла в Польше предстает в драматических тонах разлуки с родиной. В изображении деятельности Павла важную роль играет лексика изгнанничества: «эмигрант Павел», «ехпатгіе, анафема московский, анафема вилькомирский и опять ехпатгіе», «эмигрировавший инок Павел» [3, с. 390, 506]. Это положение изгоя, на которое обрекла Павла его смелая проповедь, возможно, влекло Лескова к личности старообрядческого инока. Сам писатель, чьим жизненным принципом была формула «против течений», только что пережил ряд разрывов с былыми соратниками.

Подтверждением строгой документальности художественных очерков Лескова служат записи самого инока Павла Прусского и его сподвижника Прокофия, который так описывает первые годы жизни в Польше: «В первые годы нашего в Пруссии жительства мы принадлежали к безбрачному федосеевскому согласию, женатых не принимали на совокупное с нами моление, не допускали общения с ними в пище и питии. Неподалеку от нашего монастыря находилось несколько русских деревень, тоже безбрачного федосеевского согла-

сия: в этих деревнях были две федосеевские молельни. Возбранение брачной жизни в миру, среди молодых людей, приносило плоды нежелательные. Это заставило нас много подумать о федосеевском безбрачии и много у нас было об этом толков и споров. Наконец мы решились перейти на сторону брачных беспоповцев и постановили допускать женатых на совокупное моление» [6, с. 1–2].

Сам Павел писал, что по мере распространения его учения о браке старообрядческая обитель в Польше стала точкой притяжения для многих старообрядцев из России. Перечислив, по его слову, «ревностных мужей», староверских наставников, Павел пишет: «Из Литвы они езжали ко мне, в прусскую обитель, погостить, почитать книги, поучиться, – и гостили месяца по три, по полугоду, а иногда по году и два. Они были участниками и свидетелями начавшихся в прусском монастыре рассуждений о том, что федосеевцы неправо учат, возбраняя в мире живущим брачную жизнь...» [5, с. 2]. Благодаря этому свидетельству можно делать вывод, что старообрядцы в Польше были в то время отнюдь не в «законсервированном» положении среди иноверцев. Новаторские идеи Павла были импульсом живого религиозного общения для старообрядцев из разных мест; и сам Павел часто ездил в Россию – в Петербург и другие города. Публицистика Лескова способствовала распространению проповеди Павла уже в совсем иной среде.

Записки Прокофия, соратника Павла Прусского, с фактографической стороны находятся в полном соответствии с художественными очерками Лескова. Так, Прокофий пишет о тех тенденциях, которые подрывали прочность семейных отношений в беспоповской среде: «...когда приехал в Пруссию в обитель, нашел там одного филипповца, пребывающего в обители за неимением филипповской, отца Елеазара, горячего филипповского ревнителя, с которым у меня была непрестанная борьба о крещении младенцев. Отец Елеазар <...> настаивал: “Как-де можно младенца крестить! Отец и мать – новожены, блудники: будешь потакать их греху”. Я ему ответствовал: “А не будет греха – младенец умрет некрещен?” Отец Елеазар говорил: «А, что-де мне за грех! Грех отцу с матерью, – с них Бог взыщет, почто они не расходятся: пусть разойдутся, мы и окрестим младенца» [6, с. 8].

Наряду с теологическими спорами, записки Прокофия содержат и важный этнографический материал, позволяющий судить об обычаях, распространенных среди староверов разных толков: «Но такому притязанию – у филипповых не крестить младенца, а у федосеевых не кормить грудью – подлежат одни брачные, как явные поихнему блудники и нераскаянные, а родящие девицы, как не имущие при себе явных сожителей, те все такого притязания освобождаются» [6, с. 10]. Лесков, доказывая негуманность подобных представлений о браке, также прибегает к диалогической форме, позволяющей увидеть противоположность воззрений на положение женщины в беспоповской среде:

– «Променял Бога на жену, так не молись с рабом, блюдушим веру. Благодарю Бога, что еще видеть молящихся удостоен.

– А за углом хоть пять имей?

– Хоть десять. На то есть покаяние» [3, с. 579].

Рассмотренный материал позволяет сделать следующие выводы:

– Художественно-публицистические очерки Лескова носят строго документальный характер. Подтверждение им можно найти в записях Павла Прусского и его ближайшего окружения – в той старообрядческой мемуаристике, которая, в свою очередь, может быть прочитана как реальный комментарий к статьям Лескова, посвященным брачному вопросу у староверов.

– Старообрядческая граница предстает у Лескова как область религиозной свободы. Благодаря этому старообрядческое зарубежье – место быстреего вызревания новых религиозных идей в староверии; место, где возможно старообрядческое книгопечатание; место, откуда есть возможность распространять новые идеи о браке (как в устной, так и в печатной форме). Говоря о благодетельной роли трудов Павла Прусского, как «Царского пути», так и «Сборника о браках», Лесков подчеркивает их заграничное происхождение.

– Новое учение о браке и в интерпретации Павла Прусского, и в интерпретации Лескова – это прежде всего акт сочувствия женщине и ее младенцу (мотивы женской и детской незащищенности проходят у них первым планом).

– Исследователь старообрядчества, публицист и художник шли в Лескове рука об руку.

Положение несчастных федосеевских женщин, обрисованное средствами публицистики, находит художественное соответствие в рассказе «Овцебык» (1863), где немалое внимание уделяется драматической стороне сводного брака.

Библиографический список

1. б/п. Малоохтинское поморское кладбище // «Церковно-общественный вестник». – 1875. – № 69.
2. Бороздин, А. К. Русское религиозное разномыслие [Текст] / А. К. Бороздин. – СПб., 1907.
3. Лесков Н. С. Полное Собрание сочинений : в 30 т. Т. 3 [Текст] / Н. С. Лесков. – М., 1996.
4. Мельников, Ф. Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви [Текст] / Ф. Е. Мельников. – Барнаул, 1999.
5. Павел (Леднев). Описание моего путешествия к литовским старообрядцам в конце 1869 и в начале 1870 года [Текст]. – М., 1870.
6. Прокофий. Воспоминание [Текст]. – М., 1883.
7. Терлецкий, Г. И. Секта пашковцев [Текст] / Г. И. Терлецкий. – СПб., 1891.

Bibliograficheskiy spisok

1. б/п. Maloohhtinskoe pomorskoe kladbishhe // «Cerkovno-obshhestvennyj vestnik». – 1875. – № 69.
2. Borozdin, A. K. Russkoe religioznoe raznomyslie [Tekst] / A. K. Borozdin. – SPb., 1907.
3. Leskov N. S. Polnoe Sobranie sochinenij : v 30 t. T. 3 [Tekst] / N. S. Leskov. – M., 1996.
4. Mel'nikov, F. E. Kratkaja istorija drevlepravoslavnoj (staroobryadcheskoj) cerkvi [Tekst] / F. E. Mel'nikov. – Barnaul, 1999.
5. Pavel (Lednev). Opisanie moego puteshestvija k litovskim staroobryadcam v konce 1869 i v nachale 1870 goda [Tekst]. – M., 1870.
6. Prokofij. Vospominanie [Tekst]. – M., 1883.
7. Terleckij, G. I. Sekta pashkovcev [Tekst] / G. I. Terleckij. – SPb., 1891.